

“Чайка” в четыре руки

Школа в подмосковном поселке Мелихово, выстроенная, как теперь бы сказали, при “спонсорской поддержке” Антона Павловича Чехова, до последнего времени служила по своему прямому назначению. Школа актера Михаила Чехова, племянника писателя — летняя театральная международная Мастерская — в этом году впервые обосновалась здесь. Красота и спокойствие чеховской усадьбы вкупе со славой места, где была написана “Чайка”, собрали театральных людей из шестнадцати стран. И две недели они разрабатывали свои вариации на тему этой пьесы с помощью актерской техники Михаила Чехова. Семинары и мастер-классы, проводимые среди ароматов цветущих пионов, прерывались лишь на минуты потребления “хлеба насущного” в раскинутых на лужайках армейских палатках, превращенных в столовые.

ШТУДИИ

Ольга СОЛОДОВА

Последний день работы Мастерской стал днем “открытых дверей” для интереснейших мастер-классов, в частности — работы с масками руководителя датской Студии Михаила Чехова Пэра Бра, и днем показа главного проекта этой летней школы — “Чайки” Чехова, поставленной четырьмя режиссерами в естественных декорациях усадьбы. Координатор Мастерской-97 Владимир Байчер настаивал на обозначении жанра “спектакль-импровизация”.

Так или иначе четыре действия пьесы стали не только четырьмя разными постановками с решением различных задач, но и разными стадиями создания конечной сценической картины. Первый спектакль-действие поставил эстонский режиссер Эльмо Нюганен. Его “Чайка” стала своеобразным эскизом с уже продуманными взаимоотношениями и характерами персонажей, атмосферой, определенной законченностью эпизода, но еще с некоторыми непрорисованными деталями, намеченными будущим развитием.

Кудрявый восторженный и влюбленный Костя Треплев свою пьесу ставит только ради Нины. Собственных творческих амбиций никаких. Потому, высказывая, как чертик, из кустов на прерывающие его спектакль реплики матери, он более всего боится, чтобы не потревожили предмет его обожания. А Нина, которую играет тоненькая актриса-француженка, вовсе не из этого мира. Ее мир — за полупрозрачной занавеской плавучей беседки, из-за которой на непонятном французском на одной ноте льется знакомый монолог. Проблему “разноязычности” актеров Нюганен превратил в режиссерский прием. Жесткая и язвительная Аркадина с русского переходит то на английский, то на французский. Эстонец Дорн, русский Шамраев, говорящие с прибалтийским акцентом Сорин и Медведенко — все они включены в правила игры, образуя словесную мозаику.

Второе действие литовский режиссер Гитис Падегимас пере-

нес на другую сторону пруда-аквариума и решил в виде набросков. Преувеличенно хромающий Сорин, раз за разом скатывающаяся по соломенной дорожке нетрезвая Маша, истерично кричащий Треплев, бросающийся в пруд, сумасшедшего вида Полина Андреевна в обнимку с деревом — намечено решение в гротесковом ключе. Некоторые моменты Падегимас решил сильно. Например, разговор Тригорина и Нины. Он — плейбой, привыкший к вниманию женщин и знающий нужные слова. Она смотрит на Тригорина сияющими глазами и, наверное, даже не слышит слов. Только бы случился финальный поцелуй, после которого — в пруд, остыть. И все на одном дыхании, страстно.

А вот режиссер Лондонской королевской театральной академии Уильям Гэскилл создал третье действие как гравюру в классическом стиле. Пригласив своих героев к небольшому круглому столу на лужайке перед террасой чеховского дома, Гэскилл превратил Аркадину в простую женщину, скуповатую, изощренную в ревности и вовсе не актрису. И Нина у английского режиссера какая-то приземленная, вполне осознавшая приоритеты в схеме “любовь — сцена”.

Режиссер Адольф Шапиро, завершивший этот своеобразный спектакль, местом четвертого действия выбрал не ландшафтные красоты чеховской усадьбы, а душный концертно-выставочный зал мелиховского музея. Коричнево-бордовый полумрак, неясно выделяющийся под зеленой лампой небольшой столик создали атмосферу ожидания выстрела как единственно возможного финала. И при этом действие разыграно как читка по ролям с выделением ремарок. Оттого происходящее получило потенциал развития. Дорн — Юрий Авшаров с кажущимся “безвыражением” читает свои реплики, но его — “направо за сценой выстрел, все вздрагивают” отчего-то заставляет действительно поверить в этот “немой” выстрел.

На мгновение замерев, чеховские герои покинули тесный зал и вышли на улицу, где уже темнело и на Мелихово опустился густой молочный туман.

Б.С. - 24 июля - 1997 - 1558 - 1558 - 1558 - 1558

10